

ЛЮБОВЬ БЕВЗЕНКО,

доктор социологических наук, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Жизненный успех, ценности, стили жизни

Abstract

The paper is aimed at demonstrating a methodological potential of the lifestyle approach when analyzing situations in transitional societies (societies-in-crisis). As an initial model for transitional society is used Merton's concept of anomie understood as a result of the imbalance between social (institutional) and cultural (the meaning of success) components of a social system. The life success concept is chosen as one of the basic categories for analysis of transition states. Furthermore, the author reflects on the problem what cultural mechanisms have a key influence on construction of socially and personally significant model of success that plays a role of 'social magnet' when developing personal life strategies. Possible alternative answers to this question include deliberately chosen values and preferred styles of life.

К постановке проблемы

Цель данной статьи — показать методологический потенциал стилезиженного подхода в анализе ситуаций переходных (кризисных) обществ. Используя в качестве основания исходной модели кризисного общества мертоновское представление о социальной аномии как следствии несбалансированности социальной (институциональной) и культурной (задающей смысл успеха) составляющей социальной системы, я выберу понятие *жизненного успеха* в качестве одной из основных категорий, позволяющих анализировать ситуации переходных социальных состояний.

Центральную проблему можно сформулировать так: посредством каких механизмов культура в первую очередь влияет на выработку социально и индивидуально значимой модели успеха, работающей как “социальный магнит” при формировании индивидуальных жизненных стратегий. Среди таких возможных факторов я выберу осознанно избираемые ценности и предпочитаемые стили жизни.

Подчеркну — именно осознанно избираемые ценности. Речь будет идти о ценностях как о явлении, которое схватывается не только понятийно, но и операционально. В качестве операционального инструментария будут рассматриваться те эмпирические способы фиксации ценностей, где используются прямые вопросы о значимости и ценности для человека различных сторон его жизни. Иными словами, имеются в виду ценности, фиксируемые с помощью определенного класса измерительных процедур, апеллирующих к сознательному выбору и его вербальному представлению. Альтернативой таким методологическим подходам является обращение к непрямым, проективным методам обнаружения ценностных предпочтений, присутствующих в глубинных пластах ценностного ядра личности. В качестве одной из таких проекций предлагается рассматривать стиль жизни. Связь понятий стиля жизни и жизненного успеха открывает, таким образом, широкие возможности для использования стилижизненного подхода для анализа кризисных социальных состояний, когда индивидуальные модели успеха претерпевают серьезные изменения¹.

Далее я предлагаю, *во-первых*, актуализировать проблему успеха через обращение к теоретической конструкции мертоновского представления о социальной аномии, где понятие успеха является одним из ведущих. Рассмотрение социальной ситуации, в частности в нашей стране, сквозь такую теоретическую призму делает логичной проблематизацию того, каким образом культурная ситуация влияет на трансформацию представления людей о жизненном успехе.

Во-вторых, необходимо рассмотреть возможности двух подходов к поиску ответа на этот вопрос — одного, идущего по понятийной цепочке “культура — ценности — модель жизненного успеха”, и другого, следующего по цепочке “культура — базовые культурные смыслы — стили жизни — модель жизненного успеха”. Противопоставление ценностей, с одной стороны, и базовых культурных смыслов и стилей жизни — с другой, составляющее основу рассматриваемой проблемы, возможно, повторю, только в случае обозначенной выше трактовки ценностей — как осознанных и вербально представимых.

Наконец, *в-третьих*, следует обсудить вопрос зависимости адекватности каждого из подходов от меры стабильности рассматриваемой социокультурной ситуации и аргументировать вывод о том, что в ситуации быстрой смены культурных модусов, наблюдаемой и в нашей стране, процесс изменения осознанно соблюдаемых ценностей идет значительно медленнее, чем изменение доминирующей модели успеха. В этом случае методологически значимым становится отслеживание смены стилей жизни, на которые проецируются глубинные изменения в ценностном ядре, не фиксируемые сознательно, но задающие не декларируемую, а практически реализуемую модель жизненного успеха.

¹ Данная работа выполнена автором в рамках плановой темы отдела социальной психологии Института социологии НАНУ “Социокультурные детерминанты формирования новых стилей жизни” и является продолжением многолетней традиции отдела, касающейся разработки тематики, связанной со стилями жизни личности, жизненными ценностями, жизненным успехом, социальной аномией и т.п. [см.: 1].

Стилежизненный подход

Анализ существующих концептуализаций стилей жизни в историко-теоретическом измерении может иметь много аспектов, но я остановлюсь только на одном из них — различении классических и современных теорий. Поскольку само понятие стиля жизни было введено М.Вебером, то именно с его работами некоторые исследователи обычно связывают начало классического периода использования этого понятия. Надо отметить, что долго его научный статус не был достаточно высоким и использовалось оно скорее как вспомогательное, периферийное. После того, как к этому понятию обращались такие известные авторы, как М.Вебер, Г.Зиммель, Г.Тард, Р.Парк, Т.Веблен и др., наступил достаточно длительный период забвения, когда оно оказалось невостребованным. Новое рождение понятие стиля жизни получило в работах П.Бурдьё [см., напр.: 2]. Именно идущая от него методологическая установка лежит в основе многих современных работ, которые используют стилежизненный подход в качестве инструмента социологического анализа.

В чем же состоит привлекательность видения Бурдьё, которое так подняло статус рассматриваемого понятия и сделало его успешно работающим не только в рамках стройной теоретической концепции, но и на уровне эмпирических исследований?

Прежде всего, на мой взгляд, в междисциплинарном статусе всех предлагаемых социологом концептов. Бурдьё очень скептически относился к разделению в человеке биологического, психологического, социального, культурного. Более того, он полагал, что культурное, социальное, физическое пространства пребывания человека тесно связаны между собой. В контексте проблемы стиля жизни значимыми являются все ведущие понятия, представленные в работах Бурдьё. Особенно это касается понятий социального пространства, социального поля, габитуса и практики. При этом *понятие стиля жизни становится очень востребованным*, поскольку стиль жизни мыслится как целостный комплекс социальных практик, соответствующих, с одной стороны, объективной позиции индивида в многомерном социокультурном пространстве, а с другой — его собственным субъективным представлениям об этой своей позиции, не в последнюю очередь связанным с его биографическими обстоятельствами и психологическими особенностями. *Стиль жизни* — это система практик, которые тесно связаны и непрерывно повторяются в повседневных проявлениях индивида. Это практики, соответствующие различным социальным полям — досуга и потребления, труда, политики, религии, здоровья, образования и т. д. Всё это в совокупности обозначается как *практики стиля жизни*.

Укрепление статуса понятия стиля жизни позволяет говорить о стилежизненном подходе в анализе социальных ситуаций как об особой методологической стратегии, где понятие стиля жизни выступает как центральное.

Социальный кризис как социокультурный дисбаланс

Возникновение ситуации социальной аномии Р.Мертон связывал с определенным состоянием социальной системы, которую рассматривал как состоящую из двух компонентов — культурного и социального. Культура

является источником господствующих представлений об успехе и тем самым мотивирует людей к определенному поведению, направленному на достижение такого успеха, соответствующих ему статусных позиций. Социальная структура представлена в этой схеме прежде всего теми институционально закрепленными нормами человеческих взаимоотношений, которые полагаются допустимыми в данном обществе. Дисбаланс целей и норм, отсутствие доступа к ресурсам, связанным с успехом, приводят общество к ситуации аномии, когда для достижения социально одобряемых целей могут использоваться далеко не одобряемые средства.

Предлагаемая Мертоном типологизация реакций людей на сложившийся социокультурный дисбаланс вытекает из соотношения принятия/непринятия целей и соответственно принятия/непринятия норм. Среди называемых Мертоном пяти поведенческих реакций на этот дисбаланс (конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм, мятеж) только одна (конформизм) считается нормальной и не относится к тому, что Мертон называет девиацией, отклоняющимся поведением, составляющим основу индивидуального проявления социальной аномии [3, с. 106].

Нас в данном случае будет *интересовать прежде всего вопрос жизненного и социального успеха*, его доминирующей модели, закрепляемой и принимаемой в обществе, а также то, каким образом это происходит. Различение жизненного и социального успеха здесь не выглядит существенным, хотя в большинстве случаев речь все же идет о социальном успехе как составляющей жизненного успеха.

Что же формирует доминирующее в обществе представление об успехе? Каковы механизмы принятия такой модели успеха на индивидуальном уровне? Зависит ли эта модель от состояния общества, если под этим понимать различие по принципу — стабильное/переходное общество? На эти вопросы попробуем найти ответы ниже.

Культура — ценности — модель успеха

Обратимся еще раз к тому представлению об истоках социальной аномии, которое предлагает Мертон. “Когда система культурных ценностей, фактически ни с чем не считаясь, превозносит определенные, общие для всего населения цели успеха, и при этом социальная структура строго ограничивает или полностью закрывает доступ к одобряемым способам достижения этих целей для значительной части того же самого населения, — это приводит к увеличению масштабов отклоняющегося поведения” [4, с. 108].

Как может работать эта общая идея, состоящая в несбалансированности культурного и социального в общесистемной конфигурации, в ситуации анализа конкретного общества? Каким образом в этой двухкомпонентной схеме может быть представлена культура и порождаемые ею модели успеха?

Как приведенный выше отрывок из мертоновской статьи, так и устоявшаяся социологическая традиция предлагают в качестве основного “культурного следа” в обществе выбирать задаваемые этой культурой жизненные ценности. Посмотрим, насколько такой подход оказывается продуктивным в ситуации переходных обществ, к которым можно отнести Украину и Россию.

Поскольку принято считать, что наши российские коллеги со многими проблемами сталкиваются с некоторым опережением по сравнению с нами,

я поискала какие-то интегральные исследования российскими социологами аномичности российского общества, чтобы оттолкнуться от этого в своих дальнейших рассуждениях. Меня интересовало, как решалась проблема с культурным компонентом мертоновской схемы, что полагалось определяющим в процессе формирования общественно значимого представления о социальном успехе.

В качестве такого панорамного рассмотрения ситуации для меня послужила конференция “Аномия в России: тенденции на рубеже столетий”, которая состоялась в 2001 году (руководитель проекта — Н.Покровский, президент Региональной общественной организации “Сообщество профессиональных социологов”) [5]. На конференции были представлены выступления ведущих российских социологов — А.Здравомыслова, А.Филиппова, В.Петренко, Н.Лапина и др.

Прочитую ту констатацию ситуации, от которой отталкивались россияне, анализируя проблему аномии российского общества. “Аномия — *несбалансированность нравственных, экономических, политических, культурных ценностей и поведенческих ориентаций* — представляет серьезнейшую проблему переходных обществ. Общая картина социального контекста в России достаточно сложна. Фактически в нашем обществе разрушено единое поле нравственных ориентиров. *Представления* о том, что такое хорошо и плохо, что желательно и нежелательно, нравственно и безнравственно, справедливо и несправедливо — все эти и многие другие важнейшие представления предельно фрагментированы и чаще всего отражают сугубо групповые интересы. В итоге солидарность, консолидация, единство целей, взаимное доверие, открытый диалог находятся в глубоком упадке. Повсеместно и на всех уровнях господствует принцип “каждый выживает в одиночку” [5]. Хотя со времени этой конференции прошло уже более 5 лет, думаю, приведенная оценка практически без исключений может быть применена и к современной ситуации как в российском, так и в украинском обществе.

В качестве основного теоретического инструментария, от которого отталкивались российские коллеги в осмыслении названной ситуации, был *аномический* подход, успешно, как они считают, зарекомендовавший себя в исследованиях проблем западных обществ, в том числе и как основание для эмпирических исследований. На конференции подчеркивалось, что “применение теории аномии к российской действительности представляется тем более оправданным, что российское общество претерпевало в последние годы и продолжает претерпевать серьезные *структурные сдвиги и изменения в системе ценностей*” [4]. Таким образом, априорная модель воздействия культуры на общество в ситуации аномии мыслится как ценностно детерминированная. В таком случае проблема ценностных трансформаций, задаваемая соответствующим переформатированием культурного пространства, становится одним из главных предметов исследования.

Выстраивается теоретическая цепочка, которую диктует аномический подход: *культура — ценности — смысл успеха*. Дополненная в части социальной институциональной структуры, эта схема работает на пояснение ситуации аномии через констатацию ограниченности каналов социальной мобильности, обусловливаемой имеющимся представлением об успехе и невозможностью его достижения без выхода за пределы нормативных ограничений. Россияне говорят об этом следующим образом: “На поверхности обществен-

ной жизни аномия проявляется в виде резкого скачка ненормативного поведения — неуважения к закону, обвального распространения преступности и жестокости, роста числа самоубийств, господства группового эгоизма и равнодушия, разрушения преемственности между поколениями” [4].

Опираясь, в частности, на наработки российских социологов, россияне полагали логичным начать с анализа актуально присутствующих в обществе ценностей и перейти к детерминируемой ими модели успеха. На эту тему сделано два доклада. Первым был доклад М.Горшкова, который представил результаты лонгитюдного исследования ценностей российского населения, проводимого с 1993 года и до момента проведения конференции Российским независимым институтом социальных и национальных проблем. Ученый отметил парадоксальную, с его точки зрения, ситуацию — базовая структура ценностей в России за этот период не претерпела существенных изменений. По всем опросным позициям, хотя и наблюдались некоторые колебания, фиксировалась общая устойчивая картина. “Главный вывод: основные ценности в российском обществе гораздо более устойчивы, чем кажется”. Н.Лапин в своем выступлении представил лонгитюдное исследование российских ценностей, которое проводилось под его руководством на протяжении предшествующих десяти лет. И хотя в нем использовался иной инструментарий и иные методические приемы, вывод был тем же: “основные ценности россиян за это время не претерпели каких-либо существенных изменений”. Поскольку вывод был получен на основании разных методологических подходов, можно говорить о его обоснованности — ценности в российском обществе отличаются неожиданной стабильностью.

При видимом изменении фактически работающей модели успеха, констатируемая российскими учеными ситуация выглядит действительно парадоксальной и требует прояснения. Но прежде чем попробовать в этом разобраться, обратимся к нашим реалиям.

Как выглядит ситуация с динамикой ценностей в Украине? Настолько масштабные и специально ориентированные исследования, как у россиян, проводимые нашими социологами, мне не известны, но некоторые выводы, аналогичные российским, можно сделать на основании анализа результатов мониторинговых исследований Института социологии НАН Украины¹. Так, А.Ручка, опираясь на опросы 1994–2003 годов, приходит к выводу о том, что в 2003 году, как и в 1994-м, “в ценностной ментальности граждан Украины доминирует блок витальных ценностей (“крепкое здоровье”, “крепкая семья”, “благополучие детей”, “материальное благосостояние”). На втором месте — социальные ценности, блок политико-гражданских ценностей занимает последнее место. И хотя внутри групп ценностей наблюдались определенные колебания в зависимости от года исследования, общая картина оставалась стабильной [5, с. 427].

¹ Проект “Украинское общество: мониторинг социальных изменений” выполняется Институтом социологии НАН Украины с 1994 года. Генеральный директор проекта — В.М.Ворона, авторы программы: Н.В.Панина, Е.И.Головаха. Выборочная совокупность ежегодного мониторингового опроса составляет в среднем 1800 человек и репрезентирует взрослое население Украины по полу, возрасту, уровню образования и месту жительства. Подр. см. электронный архив данных Института социологии НАНУ.

В таблицах 1 и 2 представлены результаты опроса, проведенного в 2006 году (Омнибус-2006¹). Эти результаты существенно не отличаются от приведенных в работах Ручки — на первом месте те же витальные ценности. Это позволяет сделать вывод, аналогичный российскому, — базовая система ценностей украинцев демонстрирует за все годы измерений достаточную стабильность с доминантой на ценностях витального характера.

Таблица 1

**Распределение оценок степени личностной важности
жизненных ценностей, (Омнибус, 2006),%**

Жизненные ценности	Доля ответивших “важно” и “скорее важно”
Крепкое здоровье	97,0
Материальное благосостояние	95,6
Крепкая семья	94,4
Благополучие детей	93,3
Создание в обществе равных возможностей для всех	86,1
Благоприятное нравственно-психологическое состояние общества	84,3
Общественное признание (уважение со стороны друзей, коллег, сограждан)	79,1
Интересная работа	76,4
Независимость в делах, суждениях, поступках	74,5
Государственная независимость Украины	71,3
Повышение образовательного уровня (интеллектуальное развитие)	70,7
Демократическое развитие страны	69,5
Национально-культурное возрождение	66,6
Расширение культурного кругозора, приобщение к культурным ценностям (через искусство, художественное творчество, хобби и т.п.)	64,4
Возможность высказывать мысли по политическим и другим вопросам, не опасаясь за личную свободу	62,2
Отсутствие значительного социального расслоения (богатого/бедного, высшего/низшего слоев общества)	61,1
Возможность критики и демократического контроля решений властных структур	51,6
Возможность предпринимательской инициативы (создания частных предприятий, занятия бизнесом, фермерством)	46,2
Участие в религиозной жизни (регулярное посещение церкви, богослужений, соблюдение религиозных обрядов и т.п.)	37,6
Участие в деятельности политических партий и общественных организаций	25,2

¹ “Омнибус” — ежегодное исследование, проводимое Институтом социологии НАН Украины. Средний размер выборки 1800 человек; выборка репрезентативна для взрослого населения Украины.

Обратим внимание на одно обстоятельство — место материального благосостояния в этом блоке временами перемещалось на разные позиции, и его доминирование в витальном блоке не является безусловным. Ответы, приведенные в таблице 2, еще раз подтверждают этот вывод.

Таблица 2

**Значимость жизненных ценностей граждан Украины
в зависимости от возраста, (Омнибус 2006 года), %**

Жизненные ценности	Возраст		
	18–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Достижение высоких результатов в определенном виде деятельности	5,3	4,2	2,2
Успешная карьера, достижение высоких должностей	9,1	2,6	0,9
Полный достаток, высокое материальное положение	24,6	22,7	14,7
Счастливая семья, дети	53,3	63,3	64,6
Другое	2,3	1,1	2,4
Я не задумывался над этим вопросом	5,3	6,2	15,2

Примечание: Различия в оценках ценностей “Счастливая семья, дети” возрастной группы 18–29 лет со старшими возрастными группами значимы на уровне 0,05.

Ситуация в ответах выглядит такой, что наши ценности далеки от описываемых Мертоном американских, где главным мерилем успеха был успех денежный. Большинство ответивших во всех возрастных категориях назвали семью как главную ценность. Правда, возрастной разброс уже указывает на тенденцию падения этой ценности в более молодых когортах, но это можно связывать просто с тем, что в 18–25 лет еще не все молодые люди имеют семью, и понимание ее значимости приходит позднее.

О чем может говорить такой результат, который россияне отмечают как парадоксальный, поскольку это противоречит наблюдаемым процессам, когда отнюдь не крепкая семья, а деньги становятся главным мерилем успеха. Косвенным подтверждением последнего может быть разброс ответов на вопрос, который задавался нашим респондентам в процессе мониторингового опроса в 2002 году (таблица 3). В таблице представлен как общий результат по всему массиву (первая колонка), так и разброс по возрастным группам. Особого внимания заслуживает последний из представленных вариантов ответа — “ради денег люди готовы на все”. Семантика этого “на все” косвенным образом устанавливается из предшествующих вариантов. Можно заключить, что 40,3% наших соотечественников согласны с тем, что люди действительно ради денег готовы пойти на все. И, как видно из таблицы 3, чем моложе люди, тем легче они с этим соглашаются. Среди молодежи (до 30 лет) таких 45,7%.

Таблица 3

Распределение ответов граждан Украины по возрастным группам на вопрос: “К чему, с Вашей точки зрения, могут прибегнуть люди ради больших денег? (Мониторинг, 2002), %

Варианты ответов	Общее распределение	Распределение по возрастным группам		
		до 30 лет	30–54 года	55 лет и старше
Работать с утра до позднего вечера	52,6	52,0	55,3	49,9
Пожертвовать добрыми отношениями с близкими (родителями, женой, детьми)	9,4	12,8	9,1	7,7
Пожертвовать отношениями с друзьями	13,9	18,4	14,9	9,5
Пожертвовать своим честным именем, репутацией	13,6	17,4	13,3	11,8
Пожертвовать своей любимой профессией	24,6	35,2	26,5	14,8
Силою устранить конкурентов (даже прибегая к физическому уничтожению)	12,4	16,3	11,7	10,9
Выехать в другую страну, где можно больше заработать	46,9	55,4	48,0	40,1
Вступить в брак без любви	22,0	34,7	21,3	14,6
Браться за любую работу, лишь бы хорошо платили	47,9	49,7	50,7	43,3
Обмануть любого	21,6	26,3	20,6	20,1
Пожертвовать своим здоровьем, душевным покоем	12,5	14,5	12,9	10,5
Действовать в обход закона	27,1	31,9	28,4	22,1
Ради денег люди готовы на все, что угодно	40,3	45,7*	38,5*	39,9

* Различия значимы на уровне 0,05.

Какой вывод можно из этого сделать, с тем чтобы выяснить, связаны ли ценности с моделью успеха, доминирующей в обществе? Здесь может быть несколько вариантов ответа:

1. *Социально одобряемая модель успеха причинно не связана с доминирующими сознательно фиксируемыми ценностями.* В таком случае наблюдаемый парадокс снимается через отказ от гипотезы зависимости модели успеха и ценностных выборов.
2. *Модель успеха причинно связана с доминирующими ценностями, но не на уровне их сознательной представленности.* В этом случае снять отмечаемый парадокс можно, полагая наличие методологических неадекватностей, в результате чего не были получены те критерии ценностей, которые работают на формирование значимой для социальных процессов модели успеха.

3. *Модель успеха причинно связана с осознанно избираемыми ценностями только в определенных ситуациях — в условиях относительной социокультурной стабильности. В ситуации значительных социокультурных трансформаций* нужно искать иные концептуализации процесса порождения культурно обусловленной модели успеха. В этом случае парадокс объясняется не общей методологической ошибкой, а неадекватностью измерительного инструментария тем состояниям общества, в которых он применяется.

Для меня наиболее верным представляется третий, компромиссный вариант ответа. Не отрицая связи ценностей и модели успеха вообще, я считаю, что в ситуации социокультурных кризисов, или, в более мягком определении, радикальных социокультурных трансформаций, нужно пойти путем поиска иных методологических ключей к исследованию ценностных предпочтений либо поиска иных культурных факторов, влияющих на формирование актуальной модели успеха.

Если мы не отказываемся от связи модели успеха с ценностями, не настаивая на знаке равенства между понятиями “ценности” и “осознанно избираемые ценностные предпочтения”, то можно предположить следующее. В ситуации, когда ценности интересуют нас не сами по себе, а именно в связи с детерминацией социально значимого представления об успехе, мы должны искать какие-то новые, непрямые методические приемы обнаружения тех компонентов системы ценностей, которые являются здесь определяющими.

К близкому выводу пришли россияне, пытаясь разобраться в констатируемой парадоксальной ситуации несоответствия фиксируемой стабильности доминирующих ценностей видимому изменению моделей успешного поведения. Методологическим проблемам исследования ценностей на уже упоминавшейся конференции было посвящено выступление В.Петренко. Он отметил, что в приведенных исследованиях речь идет о ценностных высказываниях, что можно обозначить как “верхний слой ценностей”. Более адекватным, с точки зрения поставленной задачи, докладчик считает обращение к глубинным ценностным структурам на основе более сложных и трудоемких методик. Эти методики представляют собой сочетание опыта, накопленного социологией и психологией. Психология обеспечивает соответствующие “изо-щренные” методы опроса, а социология — обоснование выборки, адекватной таким опросам. Хотя в отчете о конференции эта информация отсутствует, но, судя по известным работам В.Петренко, можно сделать вывод, что речь идет о таком подходе, как семантический дифференциал, который был им успешно применен (в соавторстве с О.Митиной), например, для исследования политического сознания россиян [7]. Семантика слова “успех”, ее динамика действительно могла бы исследоваться с помощью этого метода.

Вторым докладчиком по этой же теме на конференции был А.Здравомыслов, который выступил с докладом “Аномия и аналитические возможности психоанализа”. Правда, возможности психоанализа здесь предлагалось использовать для исследования не столько ценностных компонентов культуры, сколько ее нормативных составляющих. Но методологические выводы те же — дополнять социологические подходы теми наработками, которые может предложить психология, работающая с глубинными пластами человеческого сознания, не зондируемыми с помощью стандартных опросных процедур.

Дальше я хочу привести свои аргументы в поддержку таких методологических тенденций в социологических исследованиях. Необходимость такой аргументации мне видится связанной со все еще сохраняющейся тенденцией в нашей социологии не допускать разрушения жестких демаркационных границ между психологией и социологией. Даже если речь идет не о психологических детерминантах социальных явлений в духе панпсихологизма, а только о методологическом обогащении социологических методов исследования за счет привлечения наработок, которыми располагают психологи. С моей точки зрения, такая предубежденность имеет двоякое объяснение. С одной стороны, это причины социального генезиса, на которые указывал в свое время Т.Кун и которые связаны с нежеланием многих социологов отказываться от привычных парадигмальных привязанностей — то ли в теории, то ли в методологии — и нежеланием расставаться с теми социальными дивидендами, которые получают адепты признанных теорий и методов. Это очень тонкая ситуация, которая касается тех вопросов, что лежат в сфере ведения социологии социологии. Я к ней сейчас обращаться не буду, хотя полагаю, что игнорирование этих моментов вредит социологии как науке.

Другим моментом является собственно научная ситуация.

Думаю, что изменение точки зрения на допустимость междисциплинарных подходов и осознание их необходимости должно прийти вместе со смещением предметных акцентов в социологии. Динамизм социальной жизни, ее растущая изменчивость переводят фокус исследовательского внимания с вопросов социальной статики на проблему социальных изменений. Сам по себе социальный порядок уже перестает быть альтернативой социальному изменению, констатируется его процессуальная сущность, и речь идет о степени преемственности или ее отсутствии в двух последовательных конфигурациях социального порядка.

Вместе с этим практически весь корпус социологических понятий смещается от субстанционального к процессуальному смысловому наполнению. Например, те же ценности уже следует мыслить не как нечто стабильное, а скорее как комплекс многих переменных, сложно между собой связанных и меняющихся с различной скоростью. В этом комплексе может существовать ядро, меняющееся с одной скоростью, и периферия — с другой. Последняя, в свою очередь, может обладать и своей инерцией (и отставать от ядра), и инновационностью, отражающейся в неустойчивых поверхностных изменениях ценностных ориентаций. Такой парадигмальный сдвиг во взгляде на сущность социологических понятий требует серьезных переориентаций в сфере методологии исследований, и обращение к наработкам смежных гуманитарных областей — и в первую очередь психологии, культурологии, философии — может оказаться очень востребованным.

Попробую более рельефно концептуализировать эти представления о многоуровневости феноменов, описываемых различными социологическими понятиями, на примере *смыслового определения ситуации*, которое со времен М.Вебера обычно связывают с социальным действием. *Ценностное определение ситуации* — одна из сторон этой проблемы.

Порядку, господствующему на макроуровне социальной реальности, на микроуровне в социологии традиционно отвечает социальное действие. Микро- и макросоциологические концепции в теории социальных изменений появляются в зависимости от того, в каком изменении (макро- или микро-, системного порядка или социального действия) полагается детермини-

рующее начало социальных изменений. С моей точки зрения, представление о непрерывных изменениях социального порядка не позволяет адекватным образом связать макросоциальные перемены с дискретными социальными действиями. Последнее обстоятельство требует поиска формы соотнесения непрерывных перемен на системном уровне с переменами на микроуровне. Такую возможность дает дополнение на этом полюсе социологических концептуализаций понятия “социальное действие” понятием “социальное поведение” в рамках понятия практик.

Социальное действие, согласно Веберу, основным своим признаком имело осмысленную ориентацию человека *на другого*. И смыслы эти должны быть в достаточной степени осознанными. Действия, предполагающие минимальную осмысленность — традиционное (привычка), аффективное (в состоянии аффекта, сильных эмоций) — полагались Вебером как пограничные в силу именно этой минимальной осознанности. Все прочие действия к социальным не относились. Впоследствии уже феноменологи настаивали на осознанности еще более жестко. Как писал А.Шюц: “Термином действие ...мы обозначаем продуманное человеческое поведение, то есть поведение, основанное на составленном заранее проекте” [7, с. 134]. Иными словами, осознанность, предполагающая наличие социально ориентированного проекта, является основным признаком социального действия. Это же обуславливает и его дискретность, если под проектом понимать вербально представимый план. В том же случае, когда речь идет о проекте как неразвернутом гештальте, есть сомнение в возможности говорить о полной осознанности.

Но достаточно ли учета лишь сознательных актов действия, чтобы прописать всю непрерывную цепочку социально значимых практических актов человека, из чего и складывается общий рисунок социальной жизни и картина социальных изменений? Снова процитирую Вебера: “Граница между осмысленным действием и поведением чисто реактивным (назовем его так), не связанным с субъективно предполагаемым смыслом, не может быть точно проведена. Значительная часть социологически релевантного действия, особенно чисто традиционного по своему характеру, находится на границе того и другого” [8].

Возвращаясь к нашей проблеме, поставлю вопрос так: если человек идет на нарушение социальных норм, не осознавая этого, под действием каких-то глубинных психологических аттрактивностей (каковыми являются, например, не всегда осознаваемые образцы успешной жизни), то должна ли социология исключать такие поведенческие акты из своего рассмотрения? Всегда ли субъективно окрашенные смыслы имеют осмысленный характер?

Дальше я не буду заниматься выяснением соотношения между понятиями социального действия, социального поведения или социальных практик. Это было бы необходимо с точки зрения канонов классической науки, но с точки зрения науки постнеклассической в этом уже нет необходимости в силу того, что сами понятия и категории утрачивают свою жесткость и приобретают процессуальную подвижность. Сейчас больше принято говорить о концепте вместо понятия, что позволяет соединить собственно понятие и тот актуальный смысл, которым наполняет его конкретный автор.

В понятие *социального поведения* я буду включать все те социально значимые поведенческие акты, которые имеют спонтанный характер в том смысле, что им не предшествует первоначальный план или проект. Мотивация таких актов не является осознанной, но тем не менее есть социально зна-

чимой по своим последствиям. От реактивных действий социальное поведение будет отличать наличие субъективно значимого смысла, но в том случае, когда этот смысл присутствует в форме, не проявленной четко в сознании человека. По мнению Ж.Лакана, смысл — это прерогатива глубинных пластов психики. Именно из этого я буду исходить, пытаясь связать смыслы и деятельностно-поведенческие акты индивидов.

Субъективистская социология *связывала социальное действие человека с социальной ситуацией*, в которой он пребывает, и с наделением ее субъективно значимым смыслом, в значительной мере осознанным и определяющим модель поведения в этой ситуации. Говоря о комплексе практик, включающих как социальное действие, так и социальное поведение, мы тоже должны говорить о присутствии в *индивидуальном психическом пространстве некоторого смыслового комплекса*, представленного различными уровнями, отличающимися степенью дифференцированности и осознанности этого целостного смысла. К этим уровням можно отнести:

Понятийно-словесное осмысление ситуации, предшествующее действиям и репрезентирующее уровень осознанного выбора. Такое представление может отличаться высокой степенью непротиворечивости и именно с этим и связывается социальное действие. В плане мыслительных процедур этот уровень обеспечивается логическим, понятийным, последовательным мышлением. Символической средой, в которой представляется в этом случае смысл ситуации, является языковая среда. При этом искомый смысл передается посредством преимущественно логических, а не метафорических высказываний. Выбор поведения здесь является рациональным; это то, что Вебер называл целерациональным действием. Высказывание по поводу ситуации в этом случае можно считать адекватным инструментом зондирования ситуации.

Образно-чувственное представление соответствующих смыслов. Это тот уровень, который Вебер полагал пограничным в плане социального действия и реактивного поведения. На этом уровне смыслового означения ситуации смысл присутствует в виде эмоционально окрашенных образов. Мыслительные процедуры, обслуживающие этот уровень, связаны с параллельным, образным, аналоговым мышлением и отличаются высокой степенью противоречивости. Выбор поведения здесь уже является не рациональным, а эмоциональным. И это не только традиционное и аффективное действие, а и действие в ситуациях высокой неопределенности, которых становится все больше в силу фиксируемой на макроуровне динамичности, изменчивости социальных процессов. Символической средой субъективного представления ситуации в этом случае становится образное пространство, что требует иных способов эмпирического отражения.

Уровень переживаний, находящийся на границе осознанного и неосознаваемого, когда свернутая смысловая единица дифференцированной фиксации поддается мало. Средой ее представленности являются различные переживания, дифференцировать которые наша культура не приучена (в отличие, например, от культур восточного типа, которые имеют наработанные практики дифференцирования внутренних переживаний человека). Тем не менее этот уровень смыслового присутствия способен влиять на мотивацию и структуру поведенческого акта посредством энергетического выброса, подталкивающего человека к выборам, выглядящим нерациональными, но для него глубинно адекватными (идея иерархии символических сред разворачивания смыслов взята из работы О.Бахтиярова: [9]). Этот глубинный

смысл обладает определенной императивностью по отношению к действиям индивида, вынуждая его действовать по правилам, сознательно не фиксируемым и не контролируемым. Такой эффект можно объяснить активизацией мифологического, игрового мышления, когда ситуация начинает переживаться как пребывание в определенном мифологическом пространстве, определенной игре. Эмпирическое зондирование этого уровня смыслового означения ситуации будет требовать еще более уточненных методик.

Эти уровни смыслового присутствия рельефно различаются в ситуации способов воздействия на представленные таким образом смыслы. Первый уровень корректируется посредством логико-дискурсивных практик, через убеждение и дискуссию. Сводя все социальное поведение к социальным действиям, мы тем самым сводим все методы коррекции и управления социальными изменениями к практикам логического, вербального воздействия, убеждения, разъяснения. В их малой эффективности убеждают воспитательные методы, апеллирующие к ним. Они могут работать только в простых, прозрачных, адекватно представимых вербально случаях, что происходит все реже, снова-таки в силу обозначенной выше растущей изменчивости социальной жизни.

Современные социальные технологии в своих практиках давно уже в значительной мере ориентируются на второй и третий уровень смысловой представленности. Ярким подтверждением тому есть маркетингово-рекламные проекты, апеллирующие к смыслам, внедряемым в обход сознательного их принятия. Социальное поведение, формируемое такими технологиями, часто оборачивается серьезными социальными изменениями, особенно в случае политических технологических проектов.

Здесь, вслед за У.Томасом, можно сказать, что если ситуация не только представляется, но и воображается или переживается человеком как реальная, то она реальна по своим последствиям. Например, если мир переживается человеком, как наделенный сакральным измерением, то его поведение будет иным по сравнению с теми, чье глубинное, недифференцированное переживание мира не содержит этой составляющей и размещает человека лишь в плоскость профанного присутствия.

Резонным может быть вопрос о мере соответствия между уровнями смысловой представленности, мере их влияния на реальное поведение. Здесь уместно вспомнить А.Здравомыслова, его предложение воспользоваться опытом психоанализа для исследования ситуации аномии. Его интересовало то, что мы бы назвали смысловым конфликтом — когда осмысление ситуации на уровне ее вербально оформленного осознанного представления значительно разнится с ее глубинным смысловым оформлением, но ряд барьеров, связанных с социальным одобрением, нравственными фильтрами, не позволяют этим смыслам быть выведенными в сознание и согласованными. И тогда реально исполняемые социальные нормы оказываются значительно расходящимися с теми, которые декларируются в процессе социологических опросов, и не в последнюю очередь — через ценностные высказывания.

Несоответствие в уровнях осмысления той или иной социальной ситуации может наблюдаться прежде всего *в период значительных смысловых трансформаций, соответствующих периодам культурных и социальных сдвигов*. И тогда то, что принято называть социальным действием, и то, что мы обозначили как социальное поведение, могут оказаться направленными в разные сторо-

ны, поскольку вектор таких действий будет задаваться значительными расхождениями в уровнях субъективной представленности смысла ситуации.

Скорее всего, именно это мы наблюдали в ситуации с исследованием ценностей, которая была представлена выше. Ответы на вопросы респондентов были заданы представлением о социальных ценностях, которое присутствует в сознании респондентов и которое еще во многом определяется предшествующей культурной ситуацией. При этом реальное социальное поведение мотивируется глубинными смыслами, на которые уже латентно влияет новая культурная реальность. Для адекватного обнаружения этих смыслов нужны, на мой взгляд, методики, позволяющие подойти к глубинному уровню их психологического присутствия¹. Возможно, это позволило бы выйти на модель успеха через глубинный анализ ценностей. В терминологии Бурдье это можно было бы назвать габитуализированными ценностями, не проявляющимися в вербальном представлении, но работающими как глубинная структура, структурирующая социальные практики.

Но возможен и другой исследовательской путь — не пытаться добраться до глубинных ценностей с помощью специальных методик, а допустить, что они проективно связаны с другими культурными феноменами, которые и влияют на формирование модели успеха. Иными словами, допустить опосредованность этих глубинных ценностей. С моей точки зрения, таким посредником может выступать стиль жизни, который несет в себе новая культура.

Культура — смыслы — стили жизни — модель успеха

Адекватным взглядом на культуру в данном случае может быть представление о культуре как процессе смыслопорождения, иерархически организованном пространстве базовых смыслов, где иерархия задается степенью дифференцированности, развернутости этих смыслов в различных символических пространствах (на уровнях слов, образов, переживаний).

Главные культурно заданные смыслы, которые значимы для нашего рассмотрения, касаются места человека в мире — природном, социальном, духовном. Это те базовые смыслы, из которых разворачивается вся культурно определенная канва отношений человека с природой, социальным окружением, миром сакрального. Индивидуально и социально значимый смысл жизненного успеха в такой методологической перспективе — производная от этих базовых смыслов.

Что же, если не сознательно фиксируемые ценности, изменяется в личностном пространстве человека в первую очередь в результате его погружения в новое культурное поле?

Акцентирую внимание на различении ситуации статики (“погруженность в культурное поле”) и динамики вхождения (“погружение в культурное поле”). Последняя ситуация — это ситуация перехода, ситуация конкурирующего воздействия смысловых полей граничащих культурных сред. Разные смысловые уровни в таком случае могут находиться под влиянием различных культурных модусов. Сознательно признаваемые и репрезентируемые в высказываниях ценности могут относиться к одному слою, а со-

¹ Известный мне интересный опыт обращения к такого рода проективным методикам в украинской социологии описан в работах Е.Злобиной и Н.Ходоровской.

блюдаемые в реальных практиках — быть производными от другого. В данном случае я не говорю о манипуляции и умышленном обмане. Речь о реально присутствующем смысловом противоречии.

Такая модель позволяет объяснить тот парадокс с ценностями, о котором говорилось выше, когда они еще называются, но уже не управляют реальным социальным поведением, не задают значимого на уровне практик представления об успехе. Тогда посредством чего новая, активно складывающаяся культурная ситуация организует свои смысловые аттрактивности, задавая, в частности, и представление об успехе?

С чего вообще начинается встреча со всем иным, незнакомым в том случае, если мы по какой-то причине вынуждены впускать его в свое жизненное пространство? Народная мудрость гласит: “Встречают по одежке”. Новое в первые моменты презентует себя через внешнюю представленность. Говоря о такой представленности культуры в социальном пространстве, можно выделить задаваемый ею *стиль жизни*.

В стиле жизни, во всей целостности данного феномена кроется объяснение поведенчески закодированного глубинного смысла репрезентируемой им культуры. Часто говорят, что постмодерн — это не философия, а стиль жизни. Думаю, это справедливо для любой другой культурной ситуации. Постмодерн просто наиболее ярко презентует себя именно в стиле жизни в силу культурно заданного стремления к мозаичной его организации в виде поведенческого цитирования других стилистических образцов. Но это не лишает постмодерн своего единого стиля, как раз в этой изменчивости и проявляющегося. *Соответствующие тому или иному культурному модусу представления о жизненном успехе кодируются культурой в наиболее одобряемом и выбираемом представителями данной культуры стиле жизни* [10].

Обратимся к нашим реалиям. Как можно определить ту культурную ситуацию, в которой мы сейчас находимся? Очевидно, это ситуация перехода от культурной определенности советского периода к тому культурному модусу, который можно обозначить как модерный, хотя и с вкраплениями постмодернистских влияний. Чтобы здесь выстроить логические заключения и предположить, какая же модель успеха будет набирать силу по мере продвижения нашего общества по пути модернизации, нужно попытаться понять, что составляет смысловое ядро культуры модерна.

В чем же суть основных базовых смыслов культуры модерна, если их рассмотреть в самом общем, мало дифференцированном, а значит чреватом значительными противоречиями, содержаниями? Как решает модерн проблему отношения человека к названным выше трем составляющим человеческого бытия? Главное, что здесь следует назвать — возрастание меры человеческой субъектности. В отношении к природе культура модерна предлагает человеку увидеть себя в качестве главного субъекта изменений. Человеческой активности противопоставляется пассивность и инертность природы. В отношении с Богом культура модерна поступает аналогичным образом, десакрализируя мир, лишая Бога его субъектности и передавая многие из божественных функций человеку. В социуме человек тоже выступает как субъект изменений, автор индивидуальной и социальной истории в этом смысле (микросоциологические концепции и представления о первичности социального действия в процессах социального изменения в этом понимании имеют сугубо модернистский смысл). Статусно значимое место в соци-

альном мире человек достигает благодаря индивидуальной активности, субъектности, инновационности.

В этом переживании человеком своего могущества, субъектности и в то же время отдаленности от мира проявляется противоречивое воздействие этого базового смысла на формирование соответствующей модели успеха. Властные притязания — прямое следствие этой усиливающейся субъектности в смысловом ядре культуры модерна. Не случайно тема власти и подчинения является одной из основных в постмодернистской критике ситуации модерна. Практики власти и практики потребления являются связанными, и логическая цепочка субъектность — власть — потребление есть то, что сделало современное общество обществом потребления. Потребление здесь понимается не только в товарном смысле, а вообще как модус культурного отношения с миром — потребляется природа и все ее продукты — в процессе использования как для товарного производства, так и для рекреационных целей, потребляется другой человек, который через насилие или через манипуляции ставится в зависимость. И это культурно одобряемая стратегия отношений. Объектом потребления становятся те остатки сакрального, которым есть место в профанированной культуре. К Богу обращаются не с просьбами о помощи в духовном прозрении и о спасении души, а с просьбами помощи в улаживании мирских дел.

Успешный человек в такой культуре — это человек, способный побеждать в конкурентной борьбе за обозначенные таким образом потребляемые ресурсы. Стиль жизни — знак и послание об успешности в такой конкуренции, о принадлежности к группе тех, кто вышел на передовые позиции в этом соревновании. Именно этим знаком и символизирует себя новая приходящая культура. Ничего еще не зная о ее ценностях, человек уже видит приносимые ею жизненные стили и телесно включен в них. Быть успешным в конечном счете означает иметь возможность продемонстрировать соотносимый с культурно заданной успешностью стиль жизни.

Такое понимание стиля жизни позволяет развести это понятие с понятием образа жизни. Последний больше связан с необходимостью, диктуемой физическими параметрами человеческого пребывания, — городской образ жизни, сельский образ жизни, образ жизни здорового человека, образ жизни больного человека. В то же время стиль жизни связан с культурно и социально диктуемой необходимостью, стремлением подтверждать свой социальный статус посредством отвечающего ему стиля жизни.

В этом смысле правильнее всего будет сослаться на Т. Веблена, который в книге “Теория праздного класса” обратил внимание на призванность жизненного стиля символизировать жизненный успех, принадлежность к избранному слою, сословию, группе. Веблен отмечал, что те или иные общества в качестве символического ядра доминирующих стилей выбирали разное. Архаические общества — физическую силу, в традиционном обществе демонстративный характер имело досуговое поведение, а в наше время — это демонстративное потребление [11].

Подтверждение того, что статус все более связывается у нас со стилем жизни, мы находим в наших опросах, что представлено в таблице 4.

Результаты представлены в поколенном разрезе. Из ответов видно, что стиль потребления, речи, манеры поведения в наибольшей мере свидетельствуют о принадлежности к определенному слою, прежде всего для молоде-

жи. При этом, хотя материальное положение семьи и имеет первостепенное значение в абсолютном измерении, рост его значимости между поколениями очень незначителен и не выходит за пределы допустимого статистического отклонения. В то же время для стиля потребления эта разница уже существенна. Это объясняется тем, что новая культурная ситуация в значительно большей степени трансформирует личностные смысловые структуры именно молодежи. О том, что прежде всего молодежь живет по нормам новых социокультурных реалий, свидетельствуют и ответы на вопрос, представленный в таблице 5.

Таблица 4

Распределение ответов граждан Украины по возрастным группам на вопрос: “Что, по Вашему мнению, в наибольшей мере определяет принадлежность человека к тому или иному социальному слою/классу?” (Омнибус, 2006), %

Варианты ответов	Возрастные группы		
	18–29 лет	30–54 года	55 лет и старше
Семья, из которой человек происходит	43,7	46,1	45,8
Уровень образования	52,8	50,9	45,5
Стиль жизни, потребление, свободное времяпровождение	28,2*	23,2	16,2*
Доход, материальное положение семьи	65,7	66,1	59,3
Престиж	11,4	11,5	9,6
Уровень квалификации	23,9	22,8	21,4
Занятие предпринимательской деятельностью	12,2	8,9	2,9
Профессия, занятие	35,3	29,9	30,1
Характеристики предприятия или организации, где человек работает	7,1	6,7	5,1
Должность на работе	36,3	34,5	31,5
Манеры, поведение, стиль речи	32,0*	24,2	22,6*
Другое	0,5	0,7	0,9
Затрудняюсь ответить	4,6	5,9	8,6

* Различия по строке значимы на уровне 0,05.

Каким же образом происходит вхождение человека в пространство данного стиля жизни? Стиль жизни не является ни прагматическим, ни эстетическим выбором, хотя эти моменты могут присутствовать, но они не в силах обеспечить его непрерывную притягательность на уровне ежедневных практик. А именно это нас интересует в связи с проблемой успеха, поскольку успех более всего можно определить как процесс, как то, что требует ежедневного подтверждения. Вчерашний успех уже не успех.

С моей точки зрения, стиль жизни действует через то, что Ю. Левада назвал игровой составляющей социального действия [см.: 12, с. 99–122], вовлекая человека в свой игровой круговорот и мотивируя не только результатом статусного признания (что возможно на первых порах), но и самим процессом совершения жестов стилистического оформления жизни.

Таблица 5

Распределение ответов граждан Украины по возрастным группам на вопрос: “Какого, по Вашему мнению, типа традиций и норм, как правило, придерживаются люди каждой из перечисленных групп в Вашем населенном пункте?” (Омнибус, 2006), %

Возрастные группы	Традиции и нормы своего народа	Религиозные традиции и нормы	Традиции и нормы советских времен	Современные традиции и нормы, сформированные за годы независимости	Затрудняюсь ответить
Подростки до 16 лет	8,4	3,3	1,8	63,7	28,4
Молодежь 17–30 лет	14,4	5,6	6,4	63,3	20,2
Люди в возрасте 31–50 лет	24,3	16,8	42,3	18,4	15,6
Старше 50 лет	17,6	26,1	62,7	5,3	9,4

Этот процесс вхождения в новое культурное пространство через изменение стиля жизни хорошо описан у Л.Ионина. Социолог называет следующие этапы вхождения в новое культурное пространство. “Первый этап — усвоение некоего доктринального ядра, второй этап — выработка соответствующего морально-эмоционального настроения. Третий этап — усвоение поведенческого кода и символики одежды. Четвертый этап — выработка лингвистической компетенции. Пятый этап — приспособление к мизансценам, где происходит презентация выбранного культурного и жизненного стиля”, однако, как отмечает ученый (что особенно важно в контексте наших рассуждений): “Все это логически необходимые этапы, однако в реальной истории их последовательность имеет, скорее, обратный характер” [13, с. 198]. Естественным этот путь выглядит в логике движения от ценностей к стилю жизни. Выше мы обосновывали значимость для переходных периодов культуры движения в обратном направлении — от стиля жизни как проекции глубинных ценностных трансформаций к изменению ценностей на уровне их осознанного принятия. Последнее обстоятельство усиливает методологический вес стилезиженного подхода для исследования ситуаций социальных кризисов.

Выводы

Проблема культурного генезиса общественно значимого представления о социальном и жизненном успехе, наиболее рельефно проступающая в ситуации исследования социальной аномии, не может решаться однозначно в пользу выстраивания цепочки зависимости “культура — ценности — модель успеха”, особенно в том случае, когда под ценностями мы понимаем осознанные ценностные предпочтения и соответствующие выборы, фиксируемые в социологических опросах. Такая каузальная связь может реализовываться в ситуации социокультурной стабильности. Но в ситуации серьезных культурных трансформаций, наличия конкуренции культурных моду-

сов и соответствующих культурных кодов процесс становления нового доминирующего представления о социальном успехе связан, прежде всего, с утверждением доминирующего стиля жизни как проекции глубинных ценностных сдвигов. Каузальная последовательность в этом случае выглядит следующим образом: “культура — стиль жизни — модель успеха”.

В нашей ситуации культурной модернизации (понимаемой как вхождение Украины в пространство притяжения смысловых полей, соотносимых с культурой модерна) закономерно доминирование в господствующей модели успеха акцента на собственной субъектности, позиции конкурентности в борьбе за ограниченные ресурсы, связываемые с успехом, — деньги, власть, славу, карьерные позиции. Объемы, динамизм и агрессивность потребления, присутствующая в таких стилях, представляют собой составляющие языка послания о жизненной успешности, чем и является в сути своей всякий стиль жизни. В этом смысле палитра представленных в социокультурном пространстве стилей жизни может восприниматься как проекция конкурирующих моделей успеха, что усиливает значимость стилижизненного подхода для исследования ситуаций социокультурной нестабильности.

Литература

1. Стили жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. — К., 1982; *Сохань Л.В., Головаха Е.И., Ануфриева Р.А.* и др. Психология жизненного успеха. Опыт социально-психологического анализа преодоления критических ситуаций. — К., 1995; *Сохань Л.В.* Життєві цінності землян та барометр щастя // Українське суспільство: десять років незалежності. — К., 2001. — С.452–459; *Панина Н.* Молодежь Украины: структура ценностей, социальное самочувствие и морально-психологическое состояние в условиях тотальной аномии // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 1. — С. 5–26, и др.
2. *Бурдье П.* Социология политики. — М., 1993.
3. *Мертон Р.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. — 1992. — № 3. — С. 104–114.
4. Аномия в России: тенденции на рубеже столетий. — <http://www.sociolog.net/grants.html>.
5. *Ручка А.* Динаміка ціннісних пріоритетів громадян України // Українське суспільство 1994–2004. Моніторинг соціальних змін. — К., 2004. — С. 416–426.
6. *Митина О., Петренко В.* Динамика политического сознания как процесс самоорганизации // Общественные науки и современность. — 1995. — № 5. — С.103–115; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. На материале политического менталитета. — М., 1997.
7. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1988. — № 2. — С. 129–137.
8. *Вебер М.* Понятие социологии и “смысла” социального действия. — <http://lib.socio.msu.ru/1/library>.
9. *Бахтияров О.Г.* Постинформационные технологии: введение в психонетику. — К., 1997.
10. *Бевзенко Л.Д.* Смысл жизненного успеха: социально-культурологический контекст // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2000. — № 1. — С. 34–51.
11. *Веблен Т.* Теория праздного класса. — М., 1984.
12. *Левада Ю.* Игровые структуры в системах социального действия // Левада Ю. Статьи по социологии. — М., 1993. — С. 99–122.
13. *Ионин Л.Г.* Социология культуры. — М., 1998.